

УДК 821.512

НОВАТОРСТВО Х.ТАКТАША В «ТРАГЕДИИ СЫНОВ ЗЕМЛИ»

© М.М.Хабутдинова

В статье рассматривается специфика авторского мифа в «Трагедии сынов земли» Х.Такташа. Выявлено новаторство писателя в трактовке библейских и коранических притч. Акцентируется внимание на роли традиций античной трагедии в произведении. Раскрыта иерархичность хорового и героического начал в «Трагедии сынов земли».

Ключевые слова: Татарская драматургия, Х.Такташ, библейский сюжет, коранический миф, трагедия.

«Трагедия сынов земли» (1921) татарского поэта Х.Такташа находится в эпицентре споров татарских литературоведов с момента издания в 1923 г. В ряде научных работ уже рассматривались вопросы, касающиеся истории бытования текста, специфики проблематики произведения, образности произведения и особенностей его ритмики [1]. За рамками исследований оставался вопрос о специфике авторского мифа Х.Такташа о Кабиле, также требуют уточнения и наблюдения над жанровой природой произведения.

Исследователи относят произведение к жанру драматической поэмы. Однако сам автор уже в самом названии своего сочинения заявляет о жанровой принадлежности произведения, стремясь донести до читателя, что перед ним именно трагедия. На верность наших предположений также указывает наличие в произведении предметно-смыслового комплекса мотивов «акта творения и грехопадения», «жертвы и преступления», которые составили трагедийную основу «Трагедии сынов земли». Зерном трагедийного действия становится осуществленный героем преступный выбор. Как указывает В.И.Тюпа, проблемно-тематический комплекс преступления зиждется на двух базовых моментах: во-первых, непреложности миропорядка («трагедия требует мощи и примата мира всеобщего и объективного» [2: 13]), отступление от которого и мыслится преступлением; во-вторых, на индивидуальной ответственности субъекта. «В основе трагедии – открытие онтологической значимости отдельного человеческого существования» [3]. У Х.Такташа невольное преступление Адама определяет перипетию истории Кабиля. В своем произведении татарский писатель разворачивает целую цепь нарушений миропорядка. Преступление венчает сюжетное развитие «Трагедии сынов земли». «Преступление (переступание запретной границы) являет собой событие особого рода, определяющее жанровую специфику трагедии» [3]. Жертвенная функция Хабиля при этом

очевидна. Трагедийный конфликт проявляется – по закону жанра – как «конфликт самоопределений, приобретающих гипертрофированный характер». Диспут между героями становится двигателем сюжета (споры Кабиля с Адамом, Аклимой, Хабилем)

Творческий диалог с античностью у Х.Такташа осуществляется на структурном уровне, что манифестируется, в частности, наличием хора в произведении. Татарский поэт пытается возродить на новой, модернистской основе утраченный лирико-музыкальный пласт драмы. В «Трагедии сынов земли» соблюдается принцип иерархичности в отношении героического и хорового начал, что задается претензией героя «сверхчеловека». Эпосейный масштаб трагедийной ситуации достигается за счет введения в сюжетное действие хора, который выступает в качестве редуцированного многолюдного персонажа, весьма активного в своих ценностных ориентациях. В начале произведения перед читателем предстает Хор, который предвещает трагедию. Затем на сцене сменяют друг друга Хор сынов Адама, Хор ангелов.

Такташеведы уверены, что «Трагедия сынов земли» непосредственно навеяна и драматической поэмой Байрона «Каин». Творчески осваивая традиции английского поэта, Х.Такташ, опираясь на потенциал Торы и Корана, перенес действие на иную национальную почву и показал героев, спустившихся с заоблачных высот на грешную землю (это подчеркивается и самим названием – «Сыны земли») [4: 102-103]. Диалог с прототекстом – Библией – начинается с заглавия, отсылающего нас к притче о создании мира и грехопадении. Однако ссылка на библейский сюжет не покрывает всего смысла заглавия, которое в ходе развития сюжета гиперсемантизируется. Акцентируемое многочисленными повторами, название произведения образует доминантную сквозную аллюзию, проходящую через все произведение и обеспечивающую соположе-

ние двух сюжетов, библейского и авторского, превращая сам текст в сюжетную метафору и способствуя тем самым новому прочтению старой притчи о грехопадении и первом убийстве в истории человечества.

Впервые аллюзия притчи о грехопадении возникает в монологе Кабиля «Утте еллар...» («Прошли годы...»), где он ропщет на судьбу [5: 69]. Здесь, в частности, содержится указание на то, что сын Адама до недавнего времени жил согласно наставлениям Аллаха. Вновь к мотиву грехопадения Х.Такташ возвращается в монологах Адама и Хавы, умоляющих Аллаха простить Кабиля. Здесь пунктирно явлена история грехопадения Адама и его жены [6: 36-37]. Стремясь логически завершить сюжетную линию Адама, историю его грехопадения, Х.Такташ вводит эпизод, где герой просит прощения у своих детей: «Эй бэхетсез улларым!..» («О мои злосчастные сыновья!») [5: 98].

Библейский сюжет о создании мира и грехопадении дополняется в произведении аллюзией притчи о сыновьях Адама. Создавая авторский миф о Кабиле и Хабиле, Х.Такташ сознательно не включает в текст эпизод с жертвоприношением. Автор «Трагедии сынов земли» не приглашает читателей к размышлениям над библейской загадкой: «Почему Бог не принял жертву Каина?», а заставляет задуматься над тем, насколько двусмысленной может оказаться страсть человека к свободе. Вот почему, по замыслу Х.Такташа, основу «Трагедии сынов земли» составляет не столько любовная трагическая коллизия, сколько непримиримый конфликт между личностью и обществом. Татарского поэта интересуют внутренние мотивы поступков Кабиля. Его внимание целиком приковано к фигуре бунтаря-богоборца. Мы наблюдаем, как зреет протест в душе Кабиля против несправедного мироустройства, как меняется его система ценностей.

Вслед за Байроном, Х.Такташ, прославляя восстание против угнетения, одновременно «раскрывает и моральную двусмысленность, которую не могут избежать те, кто вступают с ним [с Богом – М.Х.] в борьбу. Эта борьба необходима для спасения достоинства, разума и независимости человечества. Но требует нравственных жертв, в свою очередь для него разрушительных, несущих страдание и смерть» [7: 72]. Еще Г.Ибрагимов подметил, что Х.Такташу суждено было появиться «в счастливое время: все старое – боги, шахи и законы – было разрушено» [8: 100]. Поэту суждено было стать свидетелем создания нового мира, революционного акта творения. Х.Такташу уже не раз доводилось лицезреть страшные grimасы современности: резня,

устроенная в Бухаре в 1918 году эмиром, в которой пострадали единоверцы-мусульмане, террор, сопутствующий Гражданской войне в Туркестане, голод 1921 года в Поволжье и Приуралье... Поэт стал свидетелем того, как идеи революции превращались в механизм уничтожения людей. Вот почему он стремится донести до читателей свои опасения.

Образ Адама становится для Х.Такташа своего рода моделью истории Кабиля: творение, дарование благ, отступничество, наказание, прощение. Рождение Кабиля – милость Аллаха, проявление его любви к Адаму и Хаве. Читатель знакомится с ним в момент, когда он умоляет Аллаха проявить милосердие ко всей «людской нашей семье», изнывающей на земле от «жесточкого голода», нужды, «горя и страха под небом ночным». Встреча с Идеей-Газазилом становится воистину роковой для героя: недовольство, которое до поры находило свой выход лишь в ропоте и жалобах на судьбу, выливается теперь в открытое богоборчество. В исповеди, обращенной к себе, Кабиль вначале начинает сомневаться в милости Аллаха, его заступничестве за сынов Адама. Кабиль Х.Такташа переживает традиционные для романтического героя чувства: одиночество, разочарование и боль от созерцания разрыва между мечтой и действительностью. Под влиянием Идеи он уверовал в возможность изменения судьбы. Смутные мечты, которые будоражили его воображение во сне, приобретают зримые очертания в речах Идеи. Писатель через форму сна-предчувствия проясняет читателю скрытые, неосознанные чувства и побуждения героя. Примечательно, что автор изначально расценивает путь Кабиля как блуждание [5: 57]. Герой признается, что по ночам его душа с недавних пор оказывается во власти «духа могучего» – Газазила, в образе которого персонифицируется Идея – воплощение новой, революционной действительности.

Важное место занимает в произведении *образ горы Каф*. Впервые этот образ в появляется в Прологе, в песне Хора [5: 56]. Согласно мифологии ислама, эта гора находится в средоточии Земли, которая имеет форму диска, но отделена от Земли непреодолимыми пропастями; гора эта полностью создана из изумруда, который и создает небесное сияние, способное ослепить. Здесь-то и проходит граница между видимым и невидимым Мирами, символизирующая истинную глубину правды о сущности и природе человека. Устремляя свой взор вслед лучу Газазила, Кабиль лицезреет «построенный из бриллиантов дворец», пылающий от лучей, текущих с неба [5: 62]. Газазил называет обитателей этого

дворца счастливыми [5: 62]. Образ «утлы гол» («огненного цветка»), помимо светоносности, наделяется в произведении коннотацией дурмана, искажающего сознание героя. Газазил так объясняет Кабилю причину его несчастий: повинение Аллаху расценивается как рабство, покорность, трусливость. Эти «странные речи», по признанию Кабиля, «пламенем душу жгут», «ядом смертельным» текут по его жилам. Путь в страну счастья, где «нет аллаха, нет его власти», «далек и опасен», его дано преодолеть лишь тем, чьи руки беспощадны, душа неустрашима.

Оставшись наедине с собой, Кабиль пока еще в силах осознать несправедность своих мечтаний. Газазил в его снах-видениях персонифицируется в образе дракона-аждахи, исполинского, злого, обвивающего его и бросающего в грозное море. При этом *море* несет в себе потенциал стихийности. Кабиль признается Аклиме в том, что «небесные силы» «мучают без конца». Героиня также склонна видеть в этом скрытый замысел «властелина-творца». Аклима предчувствует, что «светлый путь», прочерченный Газазилом, обернется для Кабиля путем, ведущим в «пылающий ад...». Вслед за Аклимой и сам герой говорит о себе как о человеке, потерявшем разум [5: 67].

Х.Такташ переосмысливает кораническую притчу: любовная история обрастает подробностями. Главный герой «Трагедии сынов земли» влюблен в Аклиму, которую с колыбельки вырастил «как радость желанную», охраняя «ее от всех губительных сил». Кабиль пытается склонить сестру к побегу, однако ему это не удается. Героиня сохраняет верность ЗАКОНУ, боится навлечь на себя гнев Аллаха. Разгневанный Кабиль превращается на наших глазах в вероотступника: молитва для него теперь есть унижение, а повеления Аллаха – «насмешка, ложь и коварство». В иступлении он произносит слова страшной клятвы: «навсегда от него отрекусь, / Больше его не хочу признавать я, / К нему не вернусь...» [9: 101]. В ремарках Х.Такташ отмечает, что Всевышний дает о себе знать грозными раскатами грома, зловещими тонами, в которые внезапно окрашивается природа. Кабиль «посмел нарушить закон», поэтому наказание неминуемо. Аллах повелевает Адаму: «Аклиму отдать ты Абилю должен!». Джабраил в своей реплике проливает свет на дальнейшую судьбу Кабиля: «А для непокорных творец распалил / Тамуг великий – адскую печь, / С нынешней ночи будет Кабиля / В пламене вечном жечь!..» [9: 102]. Это известие ввергает Хабиля в растерянность. Потрясенная Аклима теряет сознание.

Доминирующим у Х.Такташа в этой истории становится мотив наказания Всевышнего за на-

рушение божественного ЗАКОНА, за проявленное непокорство. В отличие от коранического персонажа, у Х.Такташа согрешивший Кабиль вовсе не спешит раскаяться. Число его своевольных поступков начинает шириться. Вслед за Байроном, Х.Такташ подводит своего героя к черте, переступив которую, он обретает свободу духа, становится свободным от всего, что в какой-то мере ущемляет его волю. Писатель стремится доискаться до истинных первопричин происходящего. Автор показывает, как герой с момента рождения шел к роковому дню. Вначале одержимый гордыней герой пренебрегает отцовской волей. Во многих аятах Корана говорится о том, что добрые дела и благотворительность по отношению к родителям считаются следующей по значению добродетелью человека после веры в Аллаха [Коран: Сура 31 Лукман аят 34]. Показателен внутренний монолог Кабиля в начале трагедии «Мин тудым...» («Я родился...») [5: 58]. Очевидно, что герой с детства был одержим ревностью. Ревнивое чувство к матери, угрозы разгневанного Кабиля в адрес отца – Адама – истолковываются Х.Такташем как страшные последствия нарушения ЗАКОНА. Таким образом, ревность имела для Кабиля страшные последствия. Как известно, в библейской притче именно ревность в отношении Творца привела Каина к убийству брата. Вместо служения Богу, первый братоубийца предпочел контролировать связь с Господом. Так проявилось стремление героя быть лидером. Протестуя против ЗАКОНА Аллаха, Кабиль ввергает свою жизнь и жизнь своей семьи в хаос. В гневе он поднимает руку на брата.

Сколько братской любви в молитве Хабиля, произнесенной незадолго до смерти! Стремясь спасти брата, он умоляет Аллаха о милосердии к нему. Хабиль готов пожертвовать собой во имя брата. Содержание молитвы, на наш взгляд, есть не что иное, как развернутый ответ Х.Такташа на вопрос Каина из Библии: «Разве я сторож брату моему?». Молитва Хабиля логически завершает размышления автора об ответственности человека, о незыблемости ЗАКОНА, о смысле братской любви. Хабиль Такташа предстает как высоко моральная, нравственная личность, готовая нести бремя ответственности за близких, за весь человеческий род. Он – олицетворение чести, добра и готовности быть жертвой во имя любви к ближнему.

Кабиль, сын Адама, во многом повторяет судьбу отца: Х.Такташ развивает сильно выделяемый в Коране мотив совращения первочеловека дьяволом, непрерывных козней Иблиса против человека, мотив первого в истории человечества убийства человека. М.Б.Пиотровский, комменти-

руя кораническую историю сыновей Адама, отмечает, что этот «рассказ содержится в суре мединского периода, обычно соотносимой к самым последним годам жизни Мухаммада. Он соседствует с различными заповедями, касающимися правил жизни общины». «В этом контексте понятен и вывод рассказа, практически обосновывающего заповедь „не убий“ [6: 43]. Братоубийца в Коране «раскаялся в содеянном». «С тех пор Аллах внушил людям, что убить человека, если это не наказание за убийство или преступление, – величайший грех (Коран 5:27/30-32/35)».

Меч, поднятый во имя спасения человечества, у Х.Такташа, как и в романе Ф.Достоевского «Преступление и наказание», опускается на голову безвинной жертвы. Воля к свободе для Кабиля оборачивается своеволием. Видение героя сбывается: он, действительно, превращается в хищника. Потрясенный делом своих рук, герой восклицает: «Канга батты зур телэклэргэ / Сузылган кулларым...» («Обагрились руки мои, воздетые к великим идеалам, кровью») [5: 62]. Х.Такташ вносит коррективы в древнюю притчу: если в библейской истории, Каин убивает Авеля в эмоциональном порыве, то герой «Трагедии сынов земли» – сознательно.

Гибель главного героя мотивируется законом жанра. Трагический конец Кабиля, восставшего против зла в одиночку, обычен для условно-романтического героя, судьба которого всегда роковая, трагическая. Исследователи до сих пор спорят по поводу его самоубийства. Это очередной акт проявления «самости» гордого героя, признание греховности содеянного, невозможность жить далее с грехом братоубийства, с осознанием того, что цель, потребовавшая громадных усилий души, оказалась ложной? Или Кабиль убивает себя, так как не может вынести собственного бессилия перед провидением? Хотел, раздавшийся с небес после самоубийства, свидетельствует, на наш взгляд, о другом. В сцене самоубийства получает логическое завершение мотив смертоносного меча. Это оружие герой получает из рук Газазила, который украл этот клинок у «стража, что спал у райских ворот». Изначально эта сабля рассматривается как «будущей мести залог». Адам вспоминает, что видел этот клинок в Книге судеб – «холодный клинок» становится орудием братоубийства. Аллах в произведении Х.Такташа не наделяет Кабиля бессмертием, чем избавляет его от мук адских на земле. Так Аллах проявляет милосердие по отношению к тому, кому суждено было пройти через это страшное испытание.

Поскольку ответы на неразрешимые по сути своей вопросы (о божественной справедливости

и неочевидности совершенства установления Аллахом миропорядка) не могли быть вполне однозначными, Х.Такташ превращает виртуального адресата трагедийного текста в субъект самоопределения. Катарсис самоопределения, по замыслу автора, должен способствовать автономизации личности. «Трагедия сынов земли», выказанная в традициях древнего жанра, подобно античной трагедии, была остро актуальна для революционной эпохи, так как была ориентирована на субъектов внутреннего самоопределения. Современники Х.Такташа должны были ответить на ключевой вопрос: «Что есть революция?», который со всей остротой будет поставлен поэтом в стихотворении «Нэлэт» («Проклятие») (1922): «Күк читендә канлы пәрдә, / Әллә кемнәр: / – «Таң» диләр, / – «Таң түгел ул, жиргә төшкән / Шомлы каргыш, кан», диләр» («На краю горизонта кровавый занавес, / Кто-то говорит: „Это рассвет“ / Кто-то: „Это не рассвет, а павшее на землю / Страшное проклятие“») [5: 119].

1. *Рәхим Г.* Нэлэтләр шагыйре // *Мирас*. – 1996. – № 1-2. – С. 49 – 67; *Нигъмәти Г.Х.* Такташ // *Г.Нигъмәти. Сайланма әсәрләр*. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1958. – С. 164 – 192; *Халит Г.* Поэзия дерзаний. – Казань: Тат.кн. изд-во, 1980. – С. 20 – 25; *Хәйри Х.* һади Такташ. – Казан: Тат.китап. нәшр., 1984. – С. 21 – 30; *Хабутдинова М.М.* Образ Каина в поэзии Дж.Байрона и Х.Такташа // *Религия в современном обществе: история, проблемы и тенденции*. – Казань: Заман, 1998. – С. 147 – 148; *Хабутдинова М.М.* «Обагрились руки мои кровью...» // *Казан утлары*. – 1999. – № 7 – С. 171 –174. и др.
2. *Берковский Н.Я.* Литература и театр. – М.: Искусство, 1969. – 638 с.
3. *Тюпа В.И.* «Борис Годунов» и жанровая природа трагедии // *Cyberleninka.ru: научная электронная библиотека «КиберЛенинка»*. – М., 2012-2015. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/boris-godunov-i-zhanrovaya-priroda-tragedii> (дата обращения: 15.02.2015).
4. *Мустафин Р.* Силуэты. – Казань: Тат.кн. изд-во, 2006. – 351 с.
5. *Такташ Һ.* Жир уллары трагедиясе // *Һ.Такташ. Әсәрләр: Өч томда*. – 1 т. Шигырьләр, поэмалар. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1980. – Б. 55 – 109.
6. *Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. – М.: Наука, 1991. – 219 с.
7. *Дьяконова Н.* Байрон в годы изгнания. – М.: Худ. лит-ра, 1974. – 192 с.
8. *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре: Әсәрләр сигез томда. – 5 т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1978. – Б. 74 – 157.
9. *Такташ Х.* Исповедь любви. – М.: Сов. Россия, 1985. – 176 с.

**HADI TAKTASH AND HIS INNOVATIONS
IN «THE TRAGEDY OF THE SONS OF THE EARTH»**

M.M.Khabutdinova

In this article we analyze the features of the author's myth in "The Tragedy of the Sons of the Earth" by Hadi Taktash. We reveal the novelty of the writer's interpretation of the Holy Bible and the Quran al-Karim stories. We focus on the role antique tragedy plays in this poem and show the hierarchy of the choral and heroic principles in "The Tragedy of the Sons of the Earth".

Key words: Tatar drama, Hadi Taktash, the Holy Bible story, the Quranic myth, tragedy.

1. *Rəxim G.* Nələtlər shagyjre // Miras. – 1996. – № 1-2. – S. 49 – 67. (in Tatar); *Nig'mati G.X.* Taktash // *G.Nig'mati.* Sajlanma əsərlər. – Kazan: Tatar. kit. nəshr., 1958. – S. 164 – 192. (in Tatar); *Xalit G.* Poe'ziya derzaniy. – Kazan': Tat.kn. izd-vo, 1980. – S. 20 – 25. (in Russian); *Xəjri X.* Hadi Taktash. – Kazan: Tat.kitap. nəshr., 1984. – S. 21 – 30. (in Tatar); *Xabutdinova M.M.* Obraz Kaina v poe'zii Dzh. Bajrona i X.Taktasha // *Religiya v sovremennom obshhestve: istoriya, problemy i tendencii.* – Kazan': Zaman, 1998. – S. 147 – 148 (in Russian); *Xabutdinova M.M.* «Obagrilis' ruki moi krovyu...» // *Kazan utlary.* – 1999. – № 7 – S. 171 – 174 (in Tatar).
2. *Berkovskij N.Ya.* Literatura i teatr. – M.: Iskusstvo, 1969. – 638 s. (in Russian)
3. *Tyupa V.I.* «Boris Godunov» i zhanrovaya priroda tragedii // *Cyberleninka.ru: nauchnaya e'lektronnaya biblioteka «KiberLeninka».* – M., 2012-2015. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/boris-godunov-i-zhanrovaya-priroda-tragedii> (data obrashheniya: 15.02.2015) (in Russian)
4. *Mustafin R.* Silue'ty. – Kazan': Tat.kn. izd-vo, 2006. – 351 s. (in Russian)
5. *Taktash H.* Жҗir ullary tragediyase // *H.Taktash.* Əsərlər: Əch tomda. – 1 t. Shigyrlər, poe'malar. – Kazan: Tat. kit. nəshr., 1980.– B. 55 – 109. (in Tatar)
6. *Piotrovskij M.B.* Koranicheskie skazaniya. – M.: Nauka, 1991. – 219 s. (in Russian)
7. *D'yakonova N.* Bajron v gody izgnaniya. – M.: Xud. lit-ra, 1974. – 192 s. (in Russian)
8. *Ibrahimov G.* Tatar shagyjrlərə: Əsərlər sigez tomda. – 5 t. – Kazan: Tat. kit. ne'shr., 1978. – B. 74 – 157. (in Tatar)
9. *Taktash X.* Ispoved' lyubvi. – M: Sov. Rossiya, 1985. – 176 s. (in Russian)

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
E-mail: mileuscha@mail.ru

Khabutdinova Mileusha Muhametzjanovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Tatar Literature and Instruction, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: mileuscha@mail.ru

Поступила в редакцию 20.02.2015